

Соловей-разбойник является сначала врагом Ильи Муромца, затем он терроризирует двор Владимира, и лишь тогда его убивают; Змей покушается в первый раз на жизнь Добрыни, но, только когда он похищает Забаву Путятишну, его устраняют (и только тогда оказывается, что в пещере чудовища были другие русские люди, ждавшие освобождения). В этих двух былинных сюжетах техника «киевизации» совершенно очевидна. Не столь ясной она оказывается в былине «Илья и Идолище». Здесь также общий ход действия заставляет думать о доисторическом окружении, но процесс «киевизации» доведен до такой степени, что сама былина кажется оторванной от своего давнего предка. Между былиной «Илья и Идолище» и «историческими» и «государственными» былинами нет больше отныне разрыва: она является событием, немедленно предшествующим рождению основного узла всего киевского цикла.

По-другому обстоит дело с былиной «Алеша и Тугарин». Существование двух разных версий, каждая из которых имеет свои структурные особенности и свою проблематику, а также сравнение с мотивами «Ильи и Соловья-разбойника» и «Добрыни и Змея», заставляют думать, что обе версии являются в действительности отдельными частями одного сочинения, отделившимися друг от друга в процессе расслоения. Также и здесь в первой части, вероятно, вспоминались некоторые моменты обряда посвящения. Заметим, между прочим, что Алешу сопровождает Еким, иногда также некий прохожий, как посвящаемых обычно сопровождают специальные «крестные». Известно также, что в трех вариантах²¹ записаны некоторые странные и, на первый взгляд, непонятные особенности: после схватки с Тугариным Алеша надевает его одежду, а Еким, приняв его за чудовище, ранит его или вовсе отрубает ему голову, чтобы потом магическим путем воскресить его. Отнюдь не лишние, эти детали могут охарактеризовать весь эпизод как восходящий к некоторым моментам церемонии посвящения: приобщение неопита к посвятителю или его возрождение в новом виде, как нового индивидуума (перемена одежды); тяжелые испытания, встречающие новичков (избиение Алеши); смерть и воскресение, являющиеся базой всего идеологического фундамента посвящения (обезглавливание Алеши и его волшебное возрождение). Во второй части повествования поединок между Алешей и Тугариным обработан в пользу Киева, и богатырь убивает чудовище, поскольку это последнее представляет угрозу для Киева и бросает позорную тень на Владимира и его двор. Итак, текст Кириши Данилова,²² даже в своей непоследовательности — или, лучше сказать, именно благодаря своей непоследовательности — раскрывает стадию, в которой совершилась «киевизация»

²¹ Там же, стр. 217—222.

²² Древние российские стихотворения, стр. 125—135.